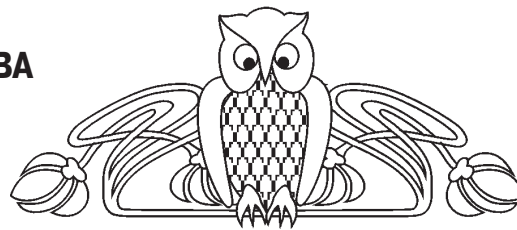

УДК 316.6

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ СОСЕДСТВА

Рягузова Елена Владимировна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: rjaguzova@yandex.ru

Приведены результаты рефлексивного анализа пословиц и поговорок о соседях и соседстве, которые репрезентируют коллективную мудрость, хранят и передают онтологические смыслы больших социальных групп. Реконструированы социокультурные коды и смысловые контексты социальной практики соседства: контекст дифференциации, подчеркивающий пространственную автономность; контекст взаимности, акцентирующий внимание на интерактивности и взаимообусловленности соседских взаимодействий; контекст значимости, обусловленный включенностью социальной роли «сосед» в ближайшее окружение личности; контекст доброжелательности, предполагающий вежливо-нейтральные, позитивные, дружелюбные отношения между соседями; контекст вынужденности, связанный с отсутствием возможности личного выбора и субъективного контроля над исходной ситуацией; контекст сопоставления, отражающий результат социального сравнения личности с Другими. Представлен социально-психологический анализ выявленных контекстов, на основании которого выделены границы соседства и показана трансформация социальной практики соседства в современных условиях.

Ключевые слова: взаимодействие Я – Другой, социальная практика соседства, культурные коды, смысловые коды, психологические границы.

DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-89-94

Введение

Социальная жизнь любого человека предполагает достаточно развернутую и разветвленную сеть его взаимодействий с разнообразными Другими – хорошо знакомыми, мало знакомыми и совсем не знакомыми людьми. Эти интеракции и взаимоотношения могут иметь разную эмоциональную окраску и экзистенциальный смысл, неодинаковую ценность и значимость, различный когнитивный и креативный ресурс, но все они необходимы для полноценного функционирования личности, поскольку выступают в качестве способов ее социального включения и интеграции в общество, факторов социализации личности, средствами амплификации ее развития и роста.

В фокусе нашего исследовательского интереса находится социальная практика соседства, позиционируемая как социальный феномен, связанный с пространственной близостью людей, проживающих на одной территории, имеющих определенное отношение к ней и

вступающих в те или иные межличностные контакты друг с другом [1, 2].

Нас будут интересовать ответы на следующие вопросы: Кто такой сосед – «коммунальный собрат или случайный попутчик по жизни»? [2, с. 37]. Существует ли граница соседства? Предполагает ли пространственная близость короткую социальную и психологическую дистанцию? Каков характер межличностных отношений с соседями? Каковы специфические особенности соседской коммуникации? Каковы стратегии восприятия соседа? Как трансформируется социальная практика соседства в современных условиях? Существуют ли этнокультурные особенности соседских отношений?

Для получения ответов на поставленные вопросы был разработан большой исследовательский проект, предполагающий изучение различных психологических аспектов социальной практики соседства. В рамках данной публикации мы обсудим результаты исследования, направленного на поиск культурных кодов и границ соседства, реконструированных на основе анализа пословиц и поговорок о соседях и соседстве.

Организация и методы исследования

Для достижения поставленной цели мы обратились к смысловому полю пословиц, поскольку именно они репрезентируют в сжатых афористичных высказываниях продукты коллективного знания социума, квинтэссенцию народной мудрости, хранят и транслируют культурно значимые онтологические смыслы больших социальных групп, формируя тем самым этические нормы общества, социальные стереотипы и поведенческие сценарии.

Для анализа 120 пословиц и поговорок о соседях используется прием, описанный нами ранее при рефлексии пословиц о дружбе. Он зарекомендовал себя как информативный и эффективный, позволивший выделить и описать различные контексты и коды дружеских отношений, освоение и декодирование которых происходит на разных этапах онтогенеза и зависит от уровня личностной зрелости [3]. Прием включает

в себя элементы контент-анализа, но в качестве смысловых единиц используются разного рода контексты, которые помогают реконструировать социокультурные коды изучаемого феномена, задавая своего рода исследовательский и аналитический фреймы.

Результаты исследования

Проведенный анализ позволяет выделить следующие смысловые контексты соседства:

контекст дифференциации, подчеркивающий пространственно закрепленную автономность личной территории и контроль каждого соседа над нею: «С соседом дружись, а тын гори»; «Межа – святое дело. Межа и твоя и моя»; «На межах да на распутьях нечистая сила»; «С соседом дружись, а за саблю держись»; «Соседским теплом не угреешься»; «С соседом дружи, но плетня не снимай»;

контекст взаимности и симметричности, акцентирующий внимание на интерактивности и взаимной обусловленности действий, поступков, переживаний и отношений между соседями: «Сосед не захочет, так и миру не будет»; «Соседство – взаимное дело»; «Если змея укусила твоего соседа, ты тоже в страхе»;

контекст значимости, обусловленный включенностью социальной роли «сосед» в номенклатуру ближнего круга окружения личности, позиционирование его как значимого Другого: «Ближний сосед лучше дальней родни»; «Покупая дом, сначала спроси, кто твои соседи»; «Нет большей беды, чем плохие соседи»;

контекст доброжелательности, нормативно предполагающий вежливо-нейтральные, позитивные, приветливые, дружелюбные отношения с соседями, несмотря на возможную поверхностность и формальность коммуникативных контактов с ними: «Где ни жить, везде служить и с соседями дружить»; «Зовут к соседу на веселую беседу»; «Худое дело обидеть соседа»;

контекст вынужденности, связанный со случайным стечением обстоятельств, в результате которых люди становятся соседями, отсутствием возможности личного выбора и субъективного контроля над исходной ситуацией: «От соседа не уйдешь», «Жить в соседях, быть в беседах»; «Говорил бы много, да сосед у порога»; «Знала бы насадка, узнает и соседка»;

контекст сопоставления, отражающий результат социального сравнения, при котором личность практически всегда оценивает себя, свои действия, чувства и установки через Другого, в частности через соседа: «У соседа рис вареный белее»; «Что дома есть, за тем к соседу не ходить»; «Сосед спать не дает – хорошо живет»;

«Не пеняй на соседа, коли спишь до обеда»; «Соседская курица всегда выглядит гусем».

Обсуждение результатов исследования

Если обратиться к этимологии и толкованию понятия «сосед», то можно увидеть, что идея дифференциации и обособленности в них имплицитно присутствует: 1) сосед – тот, кто живет поблизости, рядом; 2) сосед – тот, кто занимает ближайшее к кому-либо место [4]. Соответственно, каждый из соседей имеет свое персональное и регламентированное место (комнату, квартиру, дом, место в театре, самолете и т.п.), но при этом эти места находятся в пространственной близости друг к другу. Нахождение рядом всегда предполагает наличие реальных или виртуальных границ между Я и Другим [5, 6], которые, с одной стороны, маркируют отделение, обособление и пределы распространения суверенитета, феноменологически переживаясь как «моё и не моё», а с другой стороны, границы символизируют связь, контакт и соединение в нечто общее и целостное, сопровождаясь переживанием «наше».

Социальная практика соседства организована вокруг и вблизи внешних границ, которые фактически ее конституируют. Свойства этих границ, их сила, прочность, проницаемость могут быть различными и во многом зависят от индивидуально-психологических и личностных качеств сосуществующих людей, их доминирующих ценностей и субъективных предпочтений, но несанкционированная попытка нарушения этих границ всегда приводит к напряженности в межличностных отношениях и возникновению разного рода конфликтов. В качестве примеров можно вспомнить громкие коммунальные битвы за право на любой сантиметр мест общего пользования, непримиримые дачные сражения, кому-то знакомые, исходя из собственного драматического опыта, а кому-то известные из отечественной литературы и кинематографа, представляющих существовавшую в советском обществе модель квартирно-коммунальных отношений. В настоящее время эта модель, безусловно, трансформировалась, но сохранилась и теперь репрезентирует культуру быта (вернее, ее отсутствие) в другом общем пространстве.

Соседство – это всегда взаимодействие, которое выстраивается по схеме «ожидание – мотивация – поведение» и предполагает гибкий алгоритм взаимосвязанных трансакций. Исходя из этого, можно говорить о существовании еще одной границы соседства, связанной с ожидаемым и реальным поведением соседей. Каждый из акторов (соседей) поступает в соответствии с собственными ожиданиями, мотивами и

конкретным поведением соседа в той или иной ситуации взаимодействия в рамках определенной зоны допустимости, которая имеет отношение к внешнему облику соседа, времени его визита, содержанию и характеру артикулированных просьб. Здороваясь, мы, как минимум, надеемся на ответное приветствие, а попросив что-либо у соседей, мы тем самым авансируем им ответную услугу. Отметим, что временные ожидания по поводу взаимодействий с соседями не носят длительного, пролонгированного характера, хотя, безусловно, есть случаи, когда совместный стаж соседской жизни исчисляется десятилетиями и в соседских семьях происходит не одна смена поколений.

Как известно, ожидания человека относительно социальных взаимодействий определяются его представлениями о нормативном содержании ролевой позиции партнера по взаимодействию, качестве исполнения им предписанной роли, требованиями к своему ролевому сценарию и соответствием ему, а также имеющимися у субъектов взаимодействия личностными особенностями, ценностными ориентациями, стереотипами и предрассудками. Жесткая и непроницаемая граница в соседских отношениях выстраивается при наличии рассогласования в любых из перечисленных компонентах или их сочетаниях. Примерами могут служить как хрестоматийные гоголевские «провинциальные существователи», которые из-за пустяка превратили соседскую дружбу в многолетнюю и бесконечную вражду, так и современные жители крупных российских городов и населенных пунктов, охваченные мигрантофобией и ксенофобией – боязнью, неприязнью, страхом и ненавистью к Чужакам, в результате которых соседи буквально помогают найти (и находят) покупателей на освободившуюся квартиру (дом) только для того, чтобы не допустить «инородцев», не соседствовать с Чужими, априори полагая, что со «своими» гораздо лучше, психологически комфортнее и безопаснее.

Контекст значимости, несмотря на свою кажущуюся очевидность, оказался достаточно сложным и неоднозначным для интерпретации. Смысловое содержание пословиц указывает на то, что соседство выступает в качестве важной и значимой социальной практики, а фигура соседа, включенная в ближний круг окружения личности, является значимым Другим. Однако, как справедливо отмечает М. Ю. Кондратьев, границы значимого круга общения размыты и неопределенны, а их конкретизация напрямую зависит от четкости и разработанности критериев значимости [7].

Для интерпретации полученного результата воспользуемся трехфакторной концепцией значимого Другого, разработанной А. В. Петровским, основными слагаемыми межличностной значимости в которой выступают: референтность, чаще всего детерминируемая совместной деятельностью и определяющая право Другого на принятие ответственного решения в важных и сложных для субъекта жизненных ситуациях, признание его авторитета и компетентности; аттрактивность, предполагающая привлекательность Другого и актуализацию положительных эмоций при взаимодействии с ним; власть как институализированная роль [8]. Главным достоинством этой модели является то, что в ней интегрированы все критерии межличностной значимости Другого.

Опираясь на представленные критерии, можно выделить три уровня анализа значимости соседства: 1) личностный уровень – сосед как референтный (значимый) Другой; 2) межличностный уровень – соседские отношения как эмоционально привлекательные значимые отношения; 3) социальный уровень – сосед как значимая роль.

В психологии значимый Другой трактуется как реальная, виртуальная или символическая личность, оказывающая существенное влияние на развитие, становление и самоосуществление человека, чье мнение и авторитет для него достаточно весомы и важны. Всегда ли соответствуют люди, проживающие рядом, такому описанию? Безусловно, в некоторых случаях это имеет место, но чаще всего было бы явным преувеличением считать, что соседи являются значимыми Другими для зрелой личности. Вместе с тем необходимо отметить, что соседи как активные агенты социализации могут оказывать существенное влияние, усиливающееся в ходе первичной социализации, когда для детей соседство выступает не только «средой жизнедеятельности, но и мощным фактором социализации» [1, с. 5].

Что касается значимости соседских отношений, то они во многом определяются установленной психологической дистанцией и валентностью межличностных контактов. Квартирно-коммунальная модель соседского жизненного уклада, о которой мы уже упоминали с негативной коннотацией, распространенная у нас в недавнем прошлом, характеризовалась и позитивными моментами: особая атмосфера соседской жизни, «соседское братство», персонализированная (личностная) коммуникации, взаимная помощь и поддержка. Индикаторами и маркерами значимости соседских отношений выступали совместный просмотр телепередач,

празднично-гостевые мероприятия, встречи из роддома, проводы «всем двором» в последний путь, да и просто разговоры «бабушек-старушек» на лавочках во дворах. В настоящее время всё из перечисленного просто отсутствует, у кого-то вызывая ностальгическую, а у кого-то ироничную улыбку.

Обращает на себя внимание обобщенная формула современных соседских отношений, выведенная на основе анализа большого эмпирического материала И. А. Шмерлиной. В качестве ключевых, опорных компонентов автор рассматривает вежливость и взаимопомощь [2], которые являются обязательными атрибутами соседских взаимоотношений и вписаны в ритуал соседства, принятый в обществе и культуре. Однако, на мой взгляд, в настоящее время точнее говорить не столько о взаимопомощи, предполагающей сотрудничество, кооперацию, соучастие, сопричастность и сочувствие, сколько о взаимовыручке, подчеркивая тем самым меньшую значимость эмоционального компонента отношений между соседями и большую ценность функциональной составляющей. Вместе с тем в некоторых случаях (тяжелой болезни, одиночества) именно соседи могут выступать потенциальным ресурсом помощи и поддержки [2], что позволяет акцентировать внимание на необходимости формирования в обществе института ответственного соседства [9].

Значимость роли «сосед» в общем пространстве социальных ролей также характеризуется непостоянством и неустойчивостью, о чем косвенно свидетельствует изменение ее локализации в современных модификациях известной методики диагностики социальной дистанции Э. Богардуса [10].

Контекст доброжелательности определяет границы, которые проходят между открытостью личности Другому/Другим и защищенностью от них, между доверием Другому, возможностью допустить его в приватное пространство и желанием оградить себя от чрезмерной навязчивости и излишней фамильярности. Интерпретируя контекст доброжелательности, необходимо акцентировать внимание на том, что современная специфика повседневности в целом характеризуется своеобразным кризисом взаимодействия, вернее, кризисом непосредственных межличностных интеракций «лицом к лицу», которые часто и успешно переносятся в виртуальное пространство, заменяются телефонными звонками, общением по скайпу, посредством чатов и социальных сетей. Соответственно, соседство как одна из практик социального взаимодействия также трансформируется: доброжелательные отношения сменяются обезличенными контак-

тами, нерегулярными вербальными обменами и формальными разговорами. Трудно наладить доброжелательные отношения с теми, кто в них не нуждается.

Контекст вынужденности предполагает анализ теоретического конструкта «взгляд Другого» и отсылает к работам философов экзистенциально-феноменологического направления (Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, Р. Х. Ортега-и-Гассета, Ж.-П. Сартра, И. Г. Фихте, М. Хайдеггера, Б. Вальденфельса). Для нашего анализа важными являются такие характеристики взгляда Другого, как асимметричность и сериальность. Асимметричность способствует тому, что взгляд Другого превращает личность из активного субъекта (актора) в пассивный объект наблюдения и оценивания, которому могут быть приписаны различные, иногда не характерные для личности качества и свойства. В этой связи Х. Ортега-и-Гассет характеризует взгляд Другого как «взгляд из-за кулис, следящий, контролирующий, преследующий, ненавидящий, унижающий и т.п., – повсюду взгляд, который превращает нас в объекты чужой воли, страсти и насилия» [11, с. 241].

Взгляд Другого переживается личностью как сигнал тревоги и опасности, вызванный ее невозможностью контролировать и управлять этим взглядом, в результате чего «Я» выступает как инструмент чужих мыслей, представлений, фантазий, целей и интенций. Соседи – малознакомые люди или вовсе не знакомые друг с другом – конструируют образ Другого (соседа) через пространственно-временную аппрезентацию, предполагающую доминантность собственного взгляда, основанного на сформированной картине мира; опору на свои знания и жизненный опыт; индивидуальную «эталонность» субъективных мерок правильности/неправильности; приоритет личностных представлений и усвоенных социальных стереотипов, учет своей позиции в межличностных отношениях и интеракциях. Кроме того, важной является сериальность соседского взгляда, заключающаяся в его повторяемости и регулярности в одних и тех же декорациях – сходных ситуациях взаимодействия, которая приводит к когнитивной, аффективной и мотивационной ригидности, стереотипности образа соседа, препятствуя его реконструкции и перестройке.

Контекст сопоставления связан с процессом социального сравнения, предполагающим использование Другого (его облика, образа жизни, ценностных ориентаций, поведенческих паттернов) для осмысления себя и окружающего мира. Как известно, социальное сравнение, являясь одним из базовых процессов социального по-

знания, включает в себя получение информации, ее обработку и эмоционально-поведенческое реагирование, которые могут осуществляться как автоматически (без цели, усилий, интенций), так и преднамеренно [12].

Ориентация на социальное сравнение относится к числу универсальных свойств личности, которые обусловлены ее включением в социум и интеграцию с ним. В последнее время эта ориентация трансформируется и усиливается в связи с глобализацией и информатизацией общества, его расслоением и гетерогенностью, появлением социальных сетей, предоставляющих доступ к большому массиву биографических персональных данных. Установлено, что склонность к чрезмерно частым сравнительным оценкам может выступать предиктором эмоционального неблагополучия личности, ее неудовлетворенности собой, социальной дезадаптацией и даже возможным возникновением депрессивных расстройств [13].

Повседневная практика «быть не хуже других» отчетливо реализуется в соседстве. Восходящие сравнительные оценки, данные соседями чаще всего по параметру благосостояния, актуализируют у человека, как правило, зависть, враждебность и снижение самоуважения, что приводит к защитной проекции и приписыванию соседям негативных качеств и свойств, тогда как нисходящее сравнение способствует возникновению неуважительных, презрительных, пренебрежительных отношений к соседям. В целом именно результаты взаимного социального сравнения определяют эмоциональный фон соседских взаимоотношений, их валентность, качество и значимость.

Выводы

Соседство – неформальный социальный институт, имеющий свой исторически, социально и культурно обусловленный кодекс поведения и сосуществования, включающий в себя совокупность норм, правил, ритуалов, определяющих специфику межличностных отношений и интеракций людей, живущих на автономных, обособленных и контролируемых ими пространственно близких территориях.

Выделенные на основе рефлексии пословиц и поговорок о соседях и соседстве смысловые контексты – дифференциации, взаимодействия, значимости, доброжелательности, вынужденности, сопоставления – существенно дополняют и расширяют понимание социальной практики соседства.

Анализ смысловых контекстов позволяет обозначить границы соседства: внешние (пространственно-территориальные) и внутренние,

психологические, к которым относятся граница между ожидаемым и реальным поведением партнера, граница ответственности, граница доброжелательности и доверия, граница между Я-как объект и Я-как субъект, граница допустимости.

Проведенная аналитика показывает наличие существенных изменений в практике соседства в современных условиях, которые во многом обусловлены социально-экономическими трансформациями и преобразованиями, глобализацией, информатизацией и гетерогенностью общества, изменением его состава, временной и ритмической структуры, сменой образа и стиля жизни людей. Можно с уверенностью констатировать, что реалии сегодняшнего дня таковы, что сравнительные эталоны (по крайней мере, для молодого поколения) находятся не по месту жительства, а по месту виртуальной прописки в социальных сетях.

Список литературы

1. Мудрик А. В. Социальная педагогика. М., 2000. 200 с.
2. Шмерлина И. А. Социальная экология соседства // Социальная реальность. 2006. № 9. С. 32–42.
3. Рягузова Е. В. Социокультурный эталон интерперсональных отношений // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 80–84.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 17.06.2016).
5. Рягузова Е. В. Виды и функции границ в психологических исследованиях // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 89–94.
6. Рягузова Е. В. Модель личностных репрезентаций взаимодействия «Я – Другой» // Акмеология. 2011. № 3 (39). С. 78–83.
7. Кондратьев М. Ю. «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 17–28.
8. Петровский А. В. Трехфакторная модель «значимого другого» // Вopr. психологии. 1991. № 1. С. 7–18.
9. Поршнева Н. Г. Социальные практики соседства в процессе институционализации аутичности // Гуманитарные исследования. 2010. № 4. С. 37–45.
10. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М., 2011. 240 с.
11. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте». СПб., 1997. 332 с.
12. Самойленко Е. С. Эмоциональное отношение к социальному сравнению // Экспериментальная психология. 2010. Т. 3, № 4. С. 87–103.
13. Гаранян Н. Г., Шукин Д. А. Частые социальные сравнения как фактор эмоциональной дезадаптации студентов // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22, № 4. С. 182–206.

Образец для цитирования:

Рягузова Е. В. Социокультурные коды и психологические границы соседства // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 89–94. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-89-94.

Socio-cultural Codes and Psychological Boundaries of Neighbourship

E. V. Ryaguzova

Saratov State University
83, Astrakhanskay str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

The paper puts forward the results of a reflexive analysis of proverbs and sayings about neighbours and neighbourship, which are representing the collective wisdom, preserving and projecting ontologic value of large social groups. The paper presents reconstruction of socio-cultural codes and semantic connotations of neighbourship as a social phenomenon: context of differentiation, accentuating the aerial independence; context of reciprocity, drawing special attention to interactivity and interconditionality of neighbours interaction; context of significance, determined by the involvement of the «neighbor» social role into person's immediate circle; context of benelovence, suggesting politely-neutral, positive, friendly relations between neighbours; context of compulsion, related to lack of personal choice and personal control over the situation; context of confrontation, reflexing the result of social comparison of a person with the Others. The paper presents socio-psychological analysis of unraveled contexts providing the basis for distinguishing the boundaries of neighbourship and demonstrates the transformation of neighbourship as a social phenomenon under current conditions.

Key words: interaction «I – Other», neighbourship as a social phenomenon, cultural codes, psychological boundaries.

References

1. Mudrik A. V. *Socialnaya pedagogika* (Social pedagogy). Moscow, 2000. 200 p.
2. Shmerlina I. A. Sotsialnaya ekologiya sosedstva (Social ecology of the neighborhood). *Sotsialnaya realnost* (Social reality), 2006, no. 9, pp. 32–42.
3. Ryaguzova E. V. Sociokulturnyj etalon interpersonalnyh otnosheniy (Sociocultural Standard Interpersonal Relationship). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2011, vol. 11, iss. 4. pp. 80–84.
4. Efremova T. F. *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy* (New dictionary of the Russian

language. Sensible-word-formation). Moscow, 2000. Available: <http://www.efremova.info> (accessed 17 June 2016).

5. Ryaguzova E. V. Vidy i funktsii granits v psikhologicheskikh issledovaniyakh (Kinds and functions of borders in psychological research). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2011, vol. 11, iss. 1. pp. 89–94.
6. Ryaguzova E. V. Model lichnostnyh reprezentatsii vzaimodejstviya «Ya – Drugoy» (Model of personal representations of «I – Other» interactions). *Akmeologiya* (Acmeology), 2011, no. 3 (39), pp. 78–83.
7. Kondratev M. Yu. «Znachimyy drugoy»: slagaemye mezhlichnostnoy znachimosti (Significant Other: Components of interpersonal significance). *Socialnaya psikhologiya i obshchestvo* (Social Psychology and Society), 2011, no. 2, pp. 17–28.
8. Petrovskiy A. V. *Trehfaktornaya model «znachimogo drugogo»* (Three-factor model of the significant Other). *Voprosy psikhologii* (Voprosy Psychologii), 1991, no. 1, pp. 7–18.
9. Porshneva N. G. Socialnye praktiki sosedstva v processe institucionalizatsii autichnosti (Social practices of the neighborhood in the process of institutionalization of autistic). *Humanitarnye issledovaniya* (Humanitarian studies), 2010, no. 4, pp. 37–45.
10. Tatarko A. N., Lebedeva N. M. *Metody etnicheskoy i krosskulturnoy psikhologii* (Methods of ethnic and cross-cultural psychology). Moscow, 2011. 240 p.
11. Ortega-i-Gasset H. *Razmyshleniya o «Don Kikhote»* (Reflections on «Don Quixote»). St. Petersburg, 1997. 332 p.
12. Samoylenko E. S. Emotsionalnoe otnoshenie k sotsialnomu sravneniyu (Emotional attitude toward social comparison). *Eksperimentalnaya psikhologiya* (Experimental Psychology {Russia}), 2010, vol. 3, no. 4, pp. 87–103.
13. Garanyan N. G., Shhukin D. A. Chastye sotsialnye sravneniya kak faktor emotsionalnoy dezadaptatsii studentov (Frequent social comparison and emotional maladjustment among students). *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* (Counseling Psychology and Psychotherapy), 2014, vol. 22, iss. 4. pp. 182–206.

Cite this article as:

Ryaguzova E. V. Socio-cultural Codes and Psychological Boundaries of Neighbourship. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 89–94. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-89-94.